

Юрий

Жуков

Обратно

В

настоящее

Юрий Жуков

Обратно в настоящее

«Издательские решения»

Жуков Ю. Ю.

Обратно в настоящее / Ю. Ю. Жуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747268-9

Год назад я набрел на сайт, где муссировались идеи о «кукловодах» и «золотом веке человечества». Владелец сайта предлагал пишущим людям за деньги создать художественное изложение его проекта. Сам он рисовал мир социальных утопий. Я не стал описывать его взгляды и написал свой рассказ. Отбросил политику в вопросах о скрытых двигателях истории, придумал другие события. Сюжет из политики перешел в фантастику. Владелец сайта полностью признает мои права на авторство рассказа.

ISBN 978-5-44-747268-9

© Жуков Ю. Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	14
4	17
5	20
6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Обратно в настоящее

Юрий Юрьевич Жуков

© Юрий Юрьевич Жуков, 2016

ISBN 978-5-4474-7268-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Доктор Морис Жерар любил просматривать старые газеты. Это было для него тем более увлекательным, поскольку сам он преподавал студентам историю и историю XX века как эксперт. В архивах Сорбонны хранились экземпляры всех парижских газет, начиная с момента их появления в этом городе. Доктор Жерар был постоянным посетителем архива, хранители Полетт Нэди и Анни Моруэн были давно знакомы с ним. За мадам Нэди он даже слегка ухаживал, хотя был женат и вполне счастлив в браке.

После рождественских каникул 2013 года доктор Жерар появился в архиве в начале января года следующего и подарил мадам Нэди календарь с видом Стоунхэнджа и шунгитовый браслет.

– Ну что Вы, Морис! – смутилась Полетт. – Я не рассчитывала... А знаете, кстати?! Я приготовила для Вас послевоенные газеты. Вы просили...

Они выскользнули в соседнее помещение избегая быть увиденными мадам Моруэн и там обнялись.

– Морис, ну Вы пытаетесь толкать меня на необдуманные действия... Пойдите! Вот «Паризьен либере», нынешняя «Паризьен», уже самая популярная газета тех времен. Мне казалось, что есть все экземпляры, но когда стали вносить в базу, то оказалось, что некоторые утрачены... Морис, стойте! Не заставляйте женщину силой нарушать благоразумие. Так вот: несколько газет мы не обнаружили и сейчас выясняем куда они могли деться. Но ведь Ваше исследование опирается на множество документов и если часть из них утрачена, это не мешает Вам восстановить главные события. Скажите, я права, Морис?

– О да!

Месье Жерар сделал еще несколько горячих телодвижений, но в этот момент в соседней комнате раздались шаги и Полетт оторвалась от него и исчезла за дверью. Жерар стряхнул с себя стрелы Амура и сел перелистывать газеты. Тема его исследований была вполне очерчена и не носила глобального характера. Следовало отсмотреть и отобрать не зализанные историками, порой весьма скандальные газетные мнения о деятельности Шарля де Голля в первый период его политического взлета: о его враждебности к США и терпимости к СССР, об аристократическом национализме и прочее. Старые газеты были не только живыми свидетелями этих событий, в них можно было еще найти замечательные подробности, которые обычно опускались в учебниках и которые так ценил доктор Жерар. Вот описание родового имения де Голлей в Коломбэ, сделанное журналистом явно коммунистического толка. А вот полоса с фотографиями за март 1947 года под общим заголовком «де Голль ушел, чтобы воевать с Четвертой республикой». На фото – легендарный генерал, в окружении соратников по RPF, акцентирует внимание читателей на проблемах жизни французской столицы: де Голль на фоне улиц, на фоне магазинов, в метро на фоне вестибюлей уже покойного тогда архитектора Эктора Гимара...

– Ах, Гимар! – не удержался Морис.

Завораживающие старые фото ушедших исторических героев на первых полосах, множество мелких заметок, которыми пестрили тогдашние газеты и которые Жерар не в состоянии был охватить. Да и к чему? Ведь журналисты второго эшелона собирают сенсации, а ему нужны реально значимые факты. Когда в газетное хранилище вошли Полетт Нэди вместе с Анни Моруэн, доктор Жерар уже порядком утомился перебирая глазами заголовки фасадных страниц.

– Месье Жерар, с Новым годом! – обратилась к нему мадам Моруэн. – Нашли для себя что-нибудь полезное?

– Я рад Вас приветствовать, мадам! – ответил Жерар. – Вас также с Новым годом! У меня, честно говоря, уже глаза болят. Ничего радикально нового я не нашел, но восхитился, в очередной раз, гением нашего Гимара.

– Кстати! – продолжила Анни Моруэн. – Раз уж речь зашла о метро, то я Вам покажу одну статейку. Но это позже. У Вас глаза устали и сейчас пойдемте к Филиппу. У него сегодня свежий рецепт салата с мидиями и восхитительный кофе.

– Вот именно, что статейку, – проворчала Нэди, не то из ревности, не то из какого-то страха.

Моруэн была не столь привлекательна внешне, как ее коллега, но имела волевой характер и редкий для женщины аналитический ум.

Филипп, содержащий быстро на территории самой Сорбонны, всегда угощал посетителей какими-нибудь изысками.

– Кофе действительно здорово взбудрил! – делился впечатлениями доктор Жерар. – А что за статью Вы отыскиали, мадам Моруэн?

– Я бы сказала, что это заметка, а не статья. Поэтому верить тому, что там написано следует с большими оговорками.

– Я надеюсь, Вы мне ее сейчас покажете, уважаемая коллега.

– Не сейчас. Но завтра покажу.

Морис удивленно вскинул глаза.

– Вам разве Полетт не рассказала, что часть изданий оказалась утрачена или...

– Что или? – продолжил удивляться Жерар.

– Анни, зачем Вы это говорите!? – нервно вмешалась Полетт. – Мы с Вами просто предположили что-то, а доктор Жерар может думать по другому!

– Я понял: Вы хотели сказать, что часть изданий была изъята! – закончил мысль Морис и проглотил остатки кофе вместе с осадком.

– Да, но это только предположение, – продолжала Анни, а Жерар уже слышал ее слова как из старого телефона, где связь вот-вот оборвется. Он, вместе с кофе, провалился куда-то вглубь... Мадам Анни нажала какую-то кнопку и «лифт» пошел вниз. Нет, это Полетт нажала с ее страхом. Но «лифт» поехал. А куда? Надо было что-то вспомнить. Информация, спрятанная за порогом памяти, хуже пули в сердце. Она будет томить и изводить, и мучить как адский огонь. Даже сексуальное влечение к мадам Нэди оказалось заблокированным и выглядело сейчас никчемным.

Однако, вернувшись в архив, доктор Жерар попытался снова собраться и весело закруглить тему об исчезнувших газетах.

– Говорить можно все, что угодно, – резюмировала Анни Моруэн. – Журналистские утки всегда были частым явлением. Я не склонна им верить. Но тут ко мне кое-что «прилетело». Вам как историку это может быть более понятно.

– Так что же, что «прилетело», уважаемая Моруэн? Не интригуйте! – нарочито бодро спросил Жерар, чувствуя, что как раз Анни Моруэн бодра, а он куда-то «съезжает».

– В мае прошлого года я ездила к своему брату в Марсель. Когда в воскресенье была ярмарка, он вынес продавать бюро нашей бабушки. Я не была против, бюро было старое, громоздкое, чистый хлам. Деньги поделили согласно праву наследования. Но когда человек из России, купивший бюро, стал грузить его в свой фургон, то вынул изнутри часть ящичков и оттуда вывалилась старая газета, видимо случайно приклеившаяся к стенке мебели. Я подняла ее. Это была «Паризьен либере» от 16 июня 1947 года. Мне это показалось забавным, мы с братом и его женой вечером развлекли себя чтением ретро-новостей. Первые полосы были отданы разумеется политике...

– Так и-и? – не удержался Жерар.

– Где-то на пятой... нет, на шестой странице я прочла небольшую заметку с опровержением сведений журналиста Мишеля Вернье, который, в предыдущих номерах якобы утверждал, что при попытках начать строительство глубокой линии метро ученые обнаружили объект аномального содержания... С Вами все нормально, месье Жерар? Вы очень бледны.

– Н-нет... Все отлично, мадам Моруэн!

– Я заканчиваю. Брат, ради интереса, проверил в интернете информацию о строительстве метро в 1947 году. Оказалось, действительно, правительство Бидо и Тореза инициировало проект создания новой ветки метрополитена, наподобие нынешнего RER. При этом сведения были очень краткие, противоречивые и, по мнению брата, недостоверные. Из них следовало, что проект оказался неудачным, экономически неоправданным и, несмотря на подключение американских специалистов, был почти сразу заморожен, а потом и вовсе закрыт по указу Ориоля. Аналитики однозначно оценивали это событие в русле политической борьбы: правящей партии надо было «утереть нос» оппозиционным голлистам, но планы зачастую делались опрометчиво или имели показной характер. Техника была не развита, многие рабочие болели и даже умерли из-за тяжелой работы. Я думаю, месье Жерар, что условия жизни в послевоенной Франции Вам знакомы лучше, чем мне.

Жерар сделал легкий выдох, но «заноза» в механизме памяти лишь немного пошевелилась и не пошла наружу.

– Да, мадам! Так, а... что же с газетами?

– Слушайте! Газета пролежала у меня среди прочих бумаг до прошлой осени, когда началась работа по сверке базы и перенесению ее в новую программу. Доктор Рошель был весьма раздражен и сетовал на то, что распоряжение об обновлении поступило якобы еще в 2012 году. Мы торопились, работали все, включая профессора Можерини с кафедры физики, который был подсоединен к нам как автор программы. Первой я сверяла базу «Паризьен либере». Когда обнаружилась утрата нескольких десятков номеров, то удивило не только количество, а еще и то, что эти экземпляры шли подряд с 18 мая по 11 июля 1947 года. Я предположила изъятие и доложила обо всем доктору Рошелю. Он отреагировал достаточно равнодушно. Когда я попыталась расспросить месье Рошеля о возможностях восстановления утраты, то он, и особенно профессор Можерини, стали укорять меня в торможении нашей основной работы. «Лакуны в исторических документах – частое явление», – ответил наш итальянский коллега.

– Американский, – поправила Нэди. – Анни, может быть хватит?

– Нет, нет! – вмешался Жерар. – Мадам Моруэн, прошу Вас – закончите свой рассказ.

– Дальше было еще интереснее, месье Жерар. Я вспомнила о своей марсельской находке и, учитывая что номер газеты был как раз из числа утраченных в Сорбонне, предложила доктору Рошелю внести ее в реестр и разместить в хранилище. На это он не возражал. Я сделала все по правилам и подшила газету в общую пачку, но через неделю она исчезла!

– Как!? – не удержался доктор Жерар и слабая надежда на банальное объяснение своих страхов вновь покинула его.

– Об этом стоит подумать и Вам, уважаемый коллега, – закончила свой «детектив» мадам Моруэн. – Полетт теперь вся в страхе. Да и вправду это уже больше похоже на мистику, чем на политику. Вы слышали что-нибудь о призраках прошлого, обитающих в стенах Сорбонны? И продолжающих плести свои интриги?

– Анни, перестаньте! – взмолилась мадам Нэди.

– Полетт, поймите, – продолжила ее коллега, – только знание может быть оружием против страха.

– Да, да! – поддержал Моруэн Морис. – Мадам Нэди, мадам Моруэн совершенно права. Надо попытаться во всем разобраться и тогда всему, что Вас пугает, могут найтись весьма простые объяснения. До того простые, что мы потом долго будем хохотать, вспоминая эту историю. И особенно подозрения в сверхъестественном вмешательстве.

Жерар попытался улыбнуться, но у него вышло не очень натурально. Остальные тоже явно не нашли его слова убедительными. Моруэн молчала.

– Идею о призраках и полтергейсте надо отместить сразу, – продолжил Морис. – Газеты, безусловно, могли быть и изъяты по каким-либо политическим мотивам, но это, скорее всего, было давно и я, как историк, обязуюсь навести подробные справки... Кстати! Вот объяснение еще проще: пачка газет могла быть потеряна или ошибочно засунута в ненадлежащее место нерадивым сотрудником архива в 50-е или 60-е... или 70-е годы. Теперь это трудно проверить. Чем не версия?

– А какую версию, уважаемый коллега, Вы предлагаете применить в отношении моей марсельской газеты? – спросила Моруэн.

Жерар опять помрачнел.

– Допустим это... А Вы успели известить о пропаже доктора Рошеля?

– Разумеется, месье Жерар, я доложила о произошедшем руководству архива. Доктор Рошель был возмущен. Он сказал, что лично займется этим вопросом. И сам обратится в соответствующий отдел полиции. Но на следующий день он улетел на конференцию в Берлин. А тут уже и наступили рождественские каникулы.

– Вам это начинает казаться подозрительным, мадам Моруэн? – спросил Жерар.

– Я только озвучиваю факты и не более, уважаемый коллега.

– Все это может быть цепочкой случайностей, дорогая мадам Моруэн. И возбужденное воображение...

Морис прочитал несогласие в глазах обеих женщин.

– Уважаемый месье Жерар, – продолжила Моруэн. – Вы знаете, что я не склонна к фантазиям и всегда стремлюсь к реалистическим сопоставлениям. Реестры архивных материалов сверяются почти ежегодно. Раньше это делалось реже. Но даже в этом случае значительная пропажа по вине сотрудника была бы быстро обнаружена и восполнена из ресурсов национальной библиотеки или других. А если бы ее не удалось восполнить, то об этом бы имелась архивная пометка с указанием даты происшествия.

– Значит правильна версия об изъятии по политическим мотивам, – перехватил Жерар. – Май-июль 1947 года как раз были временем активизации предвыборной борьбы за места в муниципалитетах.

– Возможно Вы и правы, месье Жерар, но моя интуиция неотступно твердит другое.

– Что же, мадам Моруэн?

– Боже, как все это тяжело слушать! – пожаловалась мадам Нэди.

Моруэн продолжила.

– Сложно представить череду политических фактов, или компроматов, имевших большой вес, которые попали в газеты и которые потом было решено всеми способами утаить от потомков, дабы не смущать их морально-этические взгляды.

– Да, но... да, – Морис начал и остановился.

– Вот именно, месье Жерар, вплоть до того, чтобы в конце 2013 года изъять и последний, случаем восстановленный экземпляр газеты!

– Это действительно загадочно, мадам Моруэн.

– Месье Жерар, в этой газете не было ни одной политической статьи экстремального характера. В ней все было банально, кроме...

– Той заметки?

– Да, да. Кроме заметки с опровержением сведений Мишеля Вернье об обнаружении подземного аномального объекта при строительстве станции метро в южной части 14-го арондисмена... Кстати, почему Вы сразу отвергли версию аномального характера?

Жерар передернулся.

– О призраках и тому подобном? Это уже не ко мне, а к профессору Можерини. У него целые труды о паранормальных явлениях.

Теперь уже передернулась мадам Моруэн, а Нэди опять воскликнула:

– О, прекратите, наконец, свое мучительное изыскание!

– Постойте! – заговорил Жерар, опять пытаясь нагнать бодрости. – Почему вы априори связываете утрату тех газет и пропажу этой. Те газеты были изъяты давно и никто о них уже ничего не помнит. А эту мог украсть... даже какой-нибудь студент, нашедший ее архивной редкостью, которую можно предложить любителям антиквариата. Или...

– Или что? Или кто? – продолжила мадам Моруэн.

– Или преподаватель, – закончил Морис иронично-кислым тоном.

– Дорогой месье Жерар! Вы самый частый гость в архивах Сорбонны. И до сих пор не замечали... Я понимаю: Вы ученый, историк и электронные средства наблюдения вряд ли могли Вас интересовать.

– Да, мадам Моруэн, я совершенно не интересовался этим.

– Так вот, когда Вы прикладываете карточку к сканеру и проходите через рамку в хранилище, то в компьютере фиксируется многое: параметры вашей личной карты с обозначением темы запроса для посещения хранилища, время входа и выхода из хранилища, тепловое излучение вашего тела, имеющее индивидуальные, «портретные» свойства...

От этих слов у Мориса в голове пронеслась посторонняя и не соответствующая напряженности момента мысль о том, что раз здесь так все пеленгуется, то его вольности в отношениях с мадам Нэди тоже могли попасть в чей-то фокус. «Тьфу, какая дурь лезет в голову!» – попытался он внутренне отогнать эти мысли. Но тут же другая мысль положила его на лопатки со словами: «Весь мир состоит из интриг и подозрений». Жерар устал. А Моруэн продолжала негибимым тоном:

– В каждый документ встраивается чип и из хранилища невозможно вынести даже клочок бумаги, ни спрятав под одеждой, ни в потайном кармане сумки. Мы знаем об этом и я не имела намерений проверять подшивки газет, тем более недавно перерегистрированных. Если бы не одно обстоятельство.

– Какое? – спросил Жерар.

– На пачке «Паризьен либере», в которую неделю назад я вложила свой марсельский экземпляр, я случайно увидела свежие пятна, напоминающие следы слюны.

Морис больше не мог анализировать. Нэди сидела абсолютно бледная.

– Утром того дня я принимала зачеты на факультете журналистики и Полетт была в архиве одна... Простите, дорогая Полетт, но теперь надо дорассказать доктору Жерару все подробности.

Жерар перевел взгляд на мадам Нэди. Лицо ее отражало целый клубок негативных эмоций.

– Честно говоря, я не понимаю, Анни, зачем Вы решили втянуть доктора Жерара в эту историю? Все это очень непонятно и неприятно... Самое большое желание, какое у меня сейчас есть – забыть скорее обо всех этих пропавших газетах и отодвинуть эти... мягко говоря, неприятные события в прошлое.

– Полетт, дорогая моя! – ответила Анни Моруэн. – Вы очень впечатлительны и воспринимаете нашу беседу слишком болезненно. Я обращаюсь к месье Жерару не как к частному детективу, а как к коллеге, историку. Я начала разговор просто с заметки курьезного содержания. Месье Жерар сам захотел узнать больше. Я сама была бы крайне рада что-то понять и успокоиться. И навсегда забыть. Кто же, как не историк, смог бы пролить свет на наши женские раздумья?

Жерар кислогато улыбнулся и кивнул головой. Он был сейчас не очень способен проливать свет. Похвалы историку-изыскателю только больше напрягли его по линии неприятных ощущений.

– Здесь фактов нет никаких! – продолжила теперь мадам Нэди, взглянув на Мориса несколько тревожно. – В тот день до прихода мадам Моруэн в хранилище вообще никто не входил.

– И даже в офис архива? – спросил Морис больше для проформы.

– Да... то есть нет. В офис заходили, – нехотя ответила Нэди. – Сначала доктор Рошель с профессором Можерини. Они даже не приближались к рамке. Месье Рошель объяснял Можерини принципы безопасности хранения документов, еще какие-то обычные рабочие вопросы... Потом он попросил меня продемонстрировать работу программы, фиксирующей параметры карточек.

– А Вы? – спросил Жерар.

– Я поняла, что Можерини имеет задание усовершенствовать и эту программу. Я... Я приложила к сканеру свою собственную карту и показала как это отобразилось в компьютере.

– И все?

– Нет. Был еще один момент – странный... Правда, теперь уже все начинает казаться странным.

– Что же именно было странным, мадам Нэди? – опять поинтересовался Морис, но не тоном детектива, а тоном ребенка.

Полетт ощутила это и потому ответила без внутреннего протеста.

– Наверное ничего, месье Жерар. Просто... В общем, все это какие-то мои впечатления. Мне позвонили по сотовой связи из юридического отдела... Не из нашего, а из Лионской школы искусств. Двое из их сотрудников постоянно посещают наш архив. Я всегда излишне волнуюсь из-за юридических нюансов. А тут было плохо слышно и, чтобы не кричать над ухом доктора Рошеля и Можерини, я вышла с телефоном в рекреацию...

Жерар опять напрягся.

– Я говорила не больше минуты. Когда я снова вошла в архив, то там был еще один человек – небольшого роста, черноволосый, назвавшийся студентом по фамилии Салански.

– А-а, Салански! Джим Салански из Калифорнии. Бакалавр истории. В прошлом году поступил в магистратуру, – вдруг вставил Жерар. – Весьма смысленный парень.

Лицо мадам Моруэн выразило некоторую задумчивость.

– Можерини и Рошель уже уходили... Они поблагодарили меня и ушли, продолжая обсуждать свои темы, – рассказывала дальше мадам Нэди, как будто не замечая слов Жерара. – А этот студент был каким-то неуклюжим и говорил невнятно. С трудом я поняла, что у него болят зубы и он зашел только узнать как можно получить пропуск в хранилища.

– Действительно странно, – сказал Жерар. – А как он входил в офис, Вы видели?

– Нет, месье Жерар. Я... В рекреации были люди. Когда я разговаривала по телефону, то стояла лицом к двери и все видела. Но когда закончила говорить, ко мне подбежала мадмуазель Шаргри, эта... ассистентка с кафедры... В общем, она попыталась эмоционально продолжить наш прошлый разговор о статьях Ильи Пригожина. Мне пришлось извиниться и предложить ей встретиться в обед в кафе... Наверное как раз в этот момент и вошел студент. Но...

– Что «но», мадам Нэди?

– Странно...

– Что странно?... – Морис как радиолокатор вдруг поймал волну какой-то информации. – Вы думаете, что он мог прятаться в хранилище еще до того момента?

– Это трудно представить, – вмешалась мадам Моруэн. – В хранилище имеются пожарные выходы, но они также фиксированы программой безопасности хранения. К тому же, если предположить, что Джим Салански проник откуда-то «сбоку», то, по логике, там бы ему сле-

довало и уходить, не вызывая подозрений. Полетт, мадмуазель Шаргри отвлекла Вас всего на несколько секунд?

– Чуть больше... Я объяснила ей, что у Филиппа будет закрыто и предложила ей встретиться в «Орле» на бульваре Сен-Мишель. Вы же там были с нами.

– Да, я вспомнила... Но даже минуты слишком мало для того, чтобы полностью отключить следящую аппаратуру, выкрасть документ и опять все включить. Даже такому опытному программисту...

– Как кто? – спросил Жерар, уже предвидя ответ.

– Как профессор Можерини.

Жерар не удержался от нервной улыбки.

– А если он отключил не всю? А только программу, фиксирующую карты? А Салански быстро выкрал газету!

– Да, но как он смог ее вынести? – продолжила Анни Моруэн уже как будто размышляя вслух. – Допустим, он все сделал предельно быстро, от нервозности даже брызнул слюной на газеты. Но он не мог проскочить с газетой через рамку, потому что при любой скорости успел бы сработать чип.

Жерар представил себе отвратительные плевки на газетной пачке и его опустевшую голову вновь феноменально осенило.

– Значит он ее просто съел! Проглотил, как факиры глотают шпагу.

Мадам Нэди качнулась на стуле.

– Месье Жерар! Ей плохо! – воскликнула Анни Моруэн.

Жерар подхватил Нэди за плечи.

– О-о, Полетт!... Анни, где у вас вода!?...

2

Доктор Жерар подвез на своем ситроене мадам Полетт Нэди почти до ее дома. По пути она дремала и Жерар ее не беспокоил. Уже на подъезде у нее просигналил сотовый телефон. Звонила Моруэн.

– Да, Анни, все в порядке, уже доехали, – отвечала Полетт. – Да, я поняла... Спасибо за заботу... Хорошо... Да, вышлите мне, я обязательно перешлю... Обнимаю. До понедельника.

Жерар припарковал машину и вопросительно посмотрел на спутницу.

– Анни настаивает, чтобы я завтра осталась дома и вызвала врача, – сказала она. – Пожалуйста, я так и сделаю. Не приходите завтра в архив.

– У меня завтра вообще нет дел в Сорбонне.

– И это кстати. И еще... Анни, перед тем как нести в архив, успела сфотографировать все страницы той газеты.

– Этой?

– Да, той где заметка об аномалии. Последней пропавшей. Она хотела завтра принести Вам её на флэш-карте, но я предложила все-таки воспользоваться e-mail и встретиться уже после выходных. Почтовый ящик лучше использовать не рабочий и не для мобильной переписки, а тот... по которому Вы мне два раза писали из дома... И последнее: Морис, раз уж мадам Моруэн ввязала Вас в эту историю и если Вы не боитесь, – Полетт чуть прищурилась, – то попытайтесь найти какой-то смысл в этой аномальной белиберде. Потому что я не могу.

Полетт поцеловала Жерара в щеку и вышла из машины. Он смотрел на ее удаляющуюся фигуру с двойственным чувством: как рыцарь, с одной стороны, а с другой, как заложник какого-то каверзного сюжета.

3

Дома доктор Жерар пожаловался жене на плохое самочувствие.

– Луиза, я завтра никуда не пойду! – заявил он.

– А мама, Морис? Ты забыл, что у моей мамы завтра день рождения и мы не можем ее огорчить своим отсутствием.

– Ах, да.

– Сейчас я подыщу для тебя нужные лекарства, ты выступишься, как следует выступишься, мы погуляем и потом...

– Нет, гулять я не смогу. Мне надо лежать. Поедем, давай, если только к ужину.

Жерар не хотел есть, в желудке у него ощущался некий спазм, но он не понимал, что происходит. Он лег. В голове крутились три слова: «секрет», «изъять» и «Вернье». Надо было что-то вспомнить, но что?... «Может быть у меня психическое расстройство, а Луиза меня тащит к мадам Эдит», – думал он. – «К тому же надо что-то придумывать с этими проклятыми газетами. Неприятная история, что-то полуреальное. А где найти хоть пару из утраченных экземпляров, чтобы иметь какой-то материал для догадок? В архивах Национальной библиотеки? В музее печати?»

Жерар поймал неожиданную мысль, от которой даже голова сама приподнялась над подушкой: «Мадам Эдит, маман, как я сразу не подумал! Ведь у нее весь дом завален хламом, среди которого множество старых и даже очень старых журналов и газет... Хотя, может, этих там и нет. Но надо будет просить ее вспомнить как следует. Надо поехать пораньше».

Утром письма с фотографиями газеты в электронной почте еще не было. Жерар и не спешил. Он надеялся обнаружить целую стопку газет.

Надежды доктора Жерара не оправдались. Мадам Эдит была на удивление четкой старушкой и хорошо помнила где у нее что лежит. Самые старые газеты относились к 1972 году. С расстройства Жерар даже выпил коньяка, но это не помогло.

– Мама, – обратилась к мадам Эдит Луиза. – Морис очень нервничает из-за своей работы. Он искал какие-то документы в архиве, а они оказались пропавшими.

Мадам Эдит сочувственно посмотрела на Мориса.

– Не документы, а просто газеты, мадам Эдит. Ничего выдающегося, но их сложно где-то найти. Если, вообще, возможно... Маман, а Вы слышали что-нибудь о попытке строить глубокое метро в 46-м или 47-м годах?

– Мне тогда было 12 лет и такие новости не могли интересовать меня. С чем это еще могло быть связано, Морис?

– Ни с чем, маман. Это было где-то в южной части 14-го арондисмена, то есть на окраине города.

– Тогда много где копали, строили что-то. Я помню, что в 14-м арондисмене взорвались какие-то снаряды или бомбы, оттого, что на них наткнулась земляная техника. Кажется на улице Шатильон... Вишисты хоть и дружили с Гитлером, но бомбы в Париже были. Саперы даже работали. А в тот раз взорвались очень большие заряды. Грохот было слышно на огромное расстояние. Я очень испугалась, потому что подумала, что снова началась война. Потом отец взял меня с собой – посмотреть что там случилось, но ямы от взрывов огородили забором, видимо еще искали снаряды. Даже американцы помогали...

У Жерара что-то булькнуло в животе.

– А что там стало потом?

– Все закопали, заровняли и построили рынок. Хороший крытый рынок. Мама возила меня туда покупать туфли и шляпки... Потом рынок сгорел. Это было уже почти при восше-

ствии де Голля. Говорили, что алжирские террористы там что-то взорвали. Пожар был сильный и сгорели даже 3 или 4 дома вокруг.

– А потом, потом, маман?

– Морис, не торопите меня. Рынка больше не было, а на этом месте стали строить спортивный комплекс. Строили очень долго, у них что-то не получалось, а когда достроили, то там все время что-то рушилось – то крыша, то стена...

– А сейчас там что, маман?

– Выпей еще коньяка, Морис, и не торопи меня. Слушай: комплекс разобрали в 70-е годы, что-то еще долго пытались там делать и, наконец, позже разбили там прекрасный сквер, который там и поныне.

– Бр-р... простите, маман! Если Вы говорите о «Рю де Шатийон», то это же совсем новый парк.

– Нет, Морис, не «Рю де Шатийон». В нем я, кстати, еще вообще ни разу не была.

– Тогда я не могу понять: где на улице Шатильон еще может быть парк?

Старушка задумалась.

– Ну, не парк. Сквер. Мне тебе трудно сейчас объяснить, Морис. По-моему, это где-то близко от метро Алезия.

По глазам мадам Эдит было видно, что память не выдает четкую информацию. Морис уловил это и задал другой вопрос.

– А-а... маман, а если Вы еще напряжете память и попробуете вспомнить – что же все-таки на этом месте делала земляная техника после войны?

– Ты опять спрашиваешь об этом метро. Я уже отвечала тебе. Хотя, может быть, ты и прав. Да, по-моему, там метро как раз и строили...

Разговор перешел в другое русло и женщины обсуждали подругу Эдит, мадам Жане Сосерен, которая высказывала большое желание поучаствовать в телепередачах Луизы, посвященных проблемам женской внешности.

– Теперь я смогу ответить не раньше понедельника, – резюмировала Луиза. – Информация мадам Сосерен интересна, но я должна обсудить план студии с коллегами.

Жерар выпил больше, чем следовало и на обратный путь пришлось арендовать водителя. Морис был вдохновлен добытыми сведениями и, хотя мадам Эдит могла что-нибудь забыть или перепутать, он твердо решил обследовать район парка.

– Луиза, Морис! – обратилась Эдит уже на выходе. – Вы не можете проехать мимо кладбища? Луиза, Жане недавно была там и сказала, что служитель, месье Поклеон, почистил могилу твоего отца. Надо ему заплатить. Я сейчас дам 30 евро.

– Не надо, мадам! Мы заплатим сами, – остановил ее Жерар.

– Месье Поклеон, Луиза, такой старенький, с бородкой.

– Хорошо, мама.

Кладбище было километрах в 3-х от дома мадам Эдит. Пока Луиза искала месье Поклеона, Жерар вышел из машины проветриться. Думая об «экспедиции» по исследованию сквера, он автоматически уставился на могильные плиты с табличками. «Вернье», – прозвучало опять в голове и вдруг что-то «поплыло». Заноза из механизма памяти полезла вверх и Жерар четко, как сейчас, вспомнил короткий эпизод из далекого детства. 1970-й год, ему было тогда 7 лет. Он с дедом на кладбище. Почему?... А-а, тогда же умер де Голль, а дед Мориса, Жан-Антуан Жерар всегда был сторонником покойного президента. Но он, Морис, ребенок, не мог присутствовать на пышных проводах крупного политического деятеля. Нет... да, да! На могильной плите была фамилия Вернье!... А вместе с дедом был еще один человек... Да, и это был Морис Дидак, друг деда, активный член партии голлистов. Жерар сел в машину и закрыл глаза. За первой, немой сценой всплыла вторая: он, дед и Дидак в бистро. Дед купил внуку пирожное и какао, а сам с Дидаком что-то пьет.

– Жан, смерть от рака не наступает так быстро! – говорит Дидак.

Дед что-то отвечал

– У него была секретная информация! Понимаешь? Секрет! – продолжал его друг.

Дед опять что-то ответил и там звучало слово архив.

– Целый архив бумаг не мог просто потеряться! Пойми, его изъяли! – закончил Дидак и заглотив рюмку коньяка.

Заноза вышла из памяти. Жерар был изможден.

– Мы прошли вместе до могилы и знаешь – он действительно все хорошо почистил, – сказала Луиза садясь в машину. – А, ты спишь.

4

Ожидаемое письмо на e-mail не пришло и к вечеру. Утром в субботу его также не было. Жерар начинал беспокоиться. Но писать или звонить Полетт считал преждевременным и бестактным. Надо было решить: попытаться сегодня как-то попасть в архивы Национальной библиотеки или съездить на улицу Шатильон и осмотреть этот злополучный сквер.

Голова побаливала после вчерашнего алкоголя, однако ум работал гораздо яснее, чем прежде. Теперь у Мориса были неоспоримые факты в виде личных воспоминаний. Морис попытался «просеять» в интернете всю возможную информацию о фондах Национальной библиотеки и даже обнаружил фотографии множества старых документов. Газетные и журнальные фонды были представлены на сайте несколькими сигнальными экземплярами, не имевшими отношения к искомому периоду. Надо было ехать, получать пропуск, отыскивать нужные стопки... Жерар выпил крепкий кофе. Ум заработал еще активнее и подсказал, что неплохо бы посмотреть дни и часы работы архива. Вопрос решился сам собой: в свободном доступе по всем дням недели были только относительно свежие газеты и журналы, начиная с 1985—1990 годов. Архивный отдел периодических изданий работал лишь на буднях, более того, искомую литературу нужно было сперва заказать у сотрудника или на сайте. Жерар оформил предварительную заявку и объявил жене, что едет осматривать парк.

– Морис, а я уже тоже собиралась поехать с тобой в Национальную библиотеку. Не была там более десяти лет.

– Луиза, я доставлю тебе такое удовольствие, но не сегодня. Осмотреть парк важнее.

– Ну, в парк я с тобой не поеду. Я вчера на кладбище успела продрогнуть за пятнадцать минут...

По дороге Жерар опять испытал драйв от своего расследования. «Никакая это не мистика, а в чистом виде политика, – теперь почему-то с уверенностью думал он. – скорее всего наткнулись на секретный германский военный объект, а Вернье что-то об этом узнал. Целая тема для отдельной лекции. Да что лекции! Книги!... Стоп. А зачем стали секретить объект побежденной всеми Германией? Убрали Мишеля Вернье, изъяли его архив, уничтожили часть газет в Сорбонне... украли газету мадам Моруэн... Нет. Не германский объект... американский.»

Морис вдруг неожиданно начал тормозить, ехавший сзади мотоциклист едва избежал столкновения, затем обогнул машину и глянул через стекло. По лицу мотоциклиста можно было прочесть беспокойство, но увидев, что Жерар здоров, он решил разразиться руганью. Морис опустил стекло и принес многочисленные извинения. Мотоциклист уехал.

«Нельзя задумываться за рулем, – бранил себя Морис. – Ну, догадался. Ну, понял кое-что важное. А мог бы сейчас лишиться беднягу жизни... Да. Теперь понятно почему Джулио Можерини, профессор Стэнфордского университета из Калифорнии, так вьется вокруг всей этой истории. Вдобавок, он физик... Еще психолог, специалист по паранормальным явлениям. Тьфу, черт, опять какие-то аномалии!...»

Жерар быстро нашел что-то очень похожее на искомое место и провел там около трех часов. Это был большой сквер. Но ничего примечательного там обнаружить не удалось: ровные, примерно одного размера и возраста деревья, аккуратные газоны, припудренные снежком, изящные скамейки, закрытый на зиму фонтан, две детские площадки и два искусственных пруда подо льдом. Ничто не подавало намека на какое-либо «скрытое» присутствие. Жерар был наблюдателен: малейшая искривленность рельефа, неестественный изгиб ветвей деревьев, чуть отличный цвет снега не укрылись бы от него. Построек в саду не было. С западной стороны к нему примыкали большие жилые дома, с севера сквер был ограничен брандмауэрами старых и всем известных административных зданий. Восточная граница шла вдоль огражден-

ного кованой решеткой участка с особняком посередине. Морис приуныл. Погода не располагала к прогулкам и людей было мало. Жерар пытался поговорить с двумя старушками, но после долгих объяснений выяснилось, что они не поняли о чем он спрашивал.

В сквере было больше нечего искать. Начинало темнеть. Жерар поежился от сырости и холода. Ужасно хотелось выпить коньяка. «Похоже, я занимаюсь откровенными глупостями», – подумал Жерар. – «Достойный ученый, а ввязался в какую-то детективную историю... без каких-либо данных... и еще с привкусом фантастики. Какой секретный объект? Какая аномалия? Тьфу!» Он вышел возле участка с особняком и остановился около решетки. За домом виднелись какие-то хозяйственные постройки и въезд в подземный гараж. «Последняя зацепка, – свербила занудная мысль. – Похоже здесь они живут давно. Попробовать поговорить с обитателями особняка?... Или послать все это к черту?... А Полетт? Она же будет нервничать.»

Жерар нажал кнопку на входных воротах. Из домофона ответил вежливый, но немного тяжелый мужской голос.

– Что Вам угодно, месье?

– Простите, я преподаватель из Сорбонны. Могу ли я пообщаться с кем-то из жителей этого дома? – ответил Жерар.

– С кем именно Вы хотели бы пообщаться, месье? – продолжились вопросы из динамика.

– Видите ли: я исследую историю этого района и мне не хватает сведений. Если кто-нибудь любезно согласится...

Через пару секунд из особняка вышел плотный лысоватый мужчина лет 45-ти в строгом костюме и направился к калитке. Одной рукой он открыл ворота, другой сделал дружелюбный жест.

– Прошу Вас, месье. Как мне Вас называть?

– Морис Жерар. Доктор Жерар. А я с кем имею честь общаться?

Мужчина смотрел немного в сторону.

– Это частное владение месье Жюля Этьена.

Жерару было все равно, просто очень хотелось обогреться в помещении и, по возможности, выпить хотя бы чашку кофе. Они вошли в вестибюль. Внутри дом был отделан богато, но немного старомодно.

– Месье Жюля Этьена сейчас нет, – заявил мужчина, – Есть его брат – месье Клод Этьен. Подождите, я доложу о Вас.

«Что за важная птица, этот Этьен?» – подумал Жерар. Вокруг было тихо, но какая-то тревожная мысль докладывала Жерару, что здесь еще немало людей. Впереди, над следующей площадкой парадной лестницы, тикали настенные часы, которые он успел разглядеть. В отличие от немного прямолинейной обстановки помещения, часы выглядели очень замысловато. «Смесь модерна и конструктивизма», – подумалось Жерару.

– Прошу Вас, – произнес мужчина, выходя из помещения слева от парадной лестницы и придерживая дверь.

Морис вошел. Перед ним был уютный кабинет в стиле ар деко, даже мебель была старой, обтянутой дорогой кожей. Что-то благоговейно традиционное было в такой обстановке и чувствительная натура Жерара испытала симпатии. Месье Клод Этьен, абсолютно безликий мужчина лет 60-ти в очках, предложил Жерару присесть и сразу спросил:

– Хотите кофе?

Кофе оказался очень неплохим, но разговор вышел коротким и безрезультатным. Выяснилось, что Жюль Этьен, один из совладельцев известной электронной отрасли приобрел этот участок с домом в 1989 году. До этого дом принадлежал дальнему родственнику Этьенов Жоржу Беранжу, а еще раньше – какому-то политику. Имя политика Клод Этьен не помнил. Сквер перед особняком был тут всегда и вообще история квартала месье Этьена не интересо-

вала. Доктор Жерар поблагодарил хозяина и простился. Лысоватый консьерж поспешно закрыл за ним дверь в кабинет.

Морис, уже уставший что-либо наблюдать и сопоставлять, направился ко входному тамбуру. В общей тишине за дверью напротив прозвучали чьи-то шаги. Жерар замедлился. Внутренний голос вдруг доложил ему, что это были шаги профессора Можерини. «Тьфу, какой бред!» – выругался он про себя и вышел из особняка.

Дома его ждал жульен и запеченные крабы со специями. Жерар немного успокоился.

– Что там? – спросила Луиза.

– Ничего!... Ничего интересного. Все это глупость, о которой стоит забыть! Прости... крабы очень вкусные.

К каждому крабу прилагался ломтик томата с кусочком сыра и соусом. Морис макал в соус полоски хрустящего хлеба. Он жевал с удовольствием. Луиза заметила это и завела разговор о мадам Жевери, которая предлагала, вместе с ее семьей, весной совершить турпоездку в Мексику.

– Там тоже будет много интересного для тебя, – сказала Луиза пытаясь добавить бодрости. – Древняя цивилизация ацтеков, всякие памятники и загадки.

Морис опять почувствовал, что пицца начинает застревать.

– Луиза, пока я не допишу обновленный курс современной истории Франции, я никуда поехать не смогу!

5

После ужина Жерар вспомнил, что надо проверить электронную почту и нехотя включил компьютер. Письма не было. «Наплевать, – подумал он. – Может Полетт забыла... а у меня тоже есть свои дела. Хотя, наверное, нехорошо так думать, но сегодня я уже не буду ничего предпринимать. Хорошо, что завтра воскресенье».

– Морис, ты уже ложишься? Я пошла в ванную, – услышал он голос Луизы.

– Да, я уже ложусь, – ответил он.

Утром письмо тоже не пришло. Морис прождал еще час и наконец написал два предложения Нэди с кратким вопросом о состоянии здоровья и напоминанием про обещанные фотоматериалы. Ответ пришел через пять минут:

«Доктор Жерар, если Вас не затруднит, зайдите в архив в понедельник. Есть новости».

«Тьфу, тьфу и тьфу! – непроизвольно выругался Жерар про себя. – Пока от всех новостей никакой ясности и одни загадки, черт бы их побрал!»

Он хотел сесть за книгу, но в строке «Входящих» вдруг появилось еще одно письмо от Полетт. Это была переадресация сообщения от Анни Моруэн. Вместо фотографий там был текст следующего содержания:

«Дорогая Полетт я не хотела тебя еще больше пугать но мне похоже самой скоро понадобится помощь Пишу с планшета мой компьютер перестал работать) Пришла с работы встала свою флэшкарту ту черную которая всегда в сумке Компьютер завис экран потемнел муж ничего не понял вызвали инженера сказал — непонятно а винчестер сгорел У меня нервы начинают сдавать попроси доктора Жерара чемто помочь Может полиция»

Морис с полминуты соображал, что произошло, а потом мысль понеслась по всем отделам мозга. «Можерини негодяй! Спрятавшийся под бородой профессора агент секретной службы!... Я напишу про него статью на сайт, в газету!... Еще лучше! Я привлеку Wikileaks, общественное мнение... Если понадобится – напишу в администрацию президента!...»

Воскресенье было испорчено, Жерар уже не читал, не смотрел телевизор, плохо ел к огорчению Луизы. Он рано лег спать, но заснуть тоже не получалось. Встав около 07.30, Жерар, крайне возбужденный, выпил стакан сока и отправился в Сорбонну.

6

Архив был еще закрыт. Морис спустился на первый этаж и решил выпить кофе у Филиппа. Людей не было. Филипп и две его работницы еще издали просияли улыбками. В углу зала, за столиком с книгами, сидел единственный посетитель, с пышной шевелюрой и аккуратной черной бородой. Жерар узнал профессора Можерини.

Морис вдруг обнаружил, что он не готов к диалогу. «Я не выспался! – сказал внутренний голос. – Р-р. Фу! Это уже шизофрения». Жерару захотелось спрятаться, но пятиться назад было поздно, он уже «засветился». Филипп улыбался. Стоять было глупо. Жерар сделал решительные шаги к стойке и, кривовато улыбнувшись Филиппу, заказал кофе. Можерини посмотрел на него взглядом, лишенным каких-либо эмоций. «Сейчас подойду и выложу ему все!» – заявил Жерар сам себе. Походка Жерара не отличалась раскованностью. Уже возле столика с книгами он ощутил, что уверенность его поубавилась и сосредоточенно взялся рукой за спинку стула.

– Доброе утро, доктор Жерар! – приветствовал Можерини Мориса.

– Мое почтение, профессор. У Вас сегодня экзамен?

– Нет, – ответил Можерини безразлично-спокойно. – Я приехал, чтобы поговорить с Вами.

Жерар не ожидал такого поворота.

– Со мной? О чем?

– Вы присядьте, доктор, прошу Вас. Филипп уже несет Вам кофе.

У Жерара не получалось открыть пакетик с сахаром. Можерини даже не улыбнулся, он повернул свои прозрачные глаза в сторону книжной полки.

– Доктор Жерар, мне кажется Вы сами хотели сказать что-то?

Эти слова подействовали на Мориса благотворно.

– Скажите, профессор... считаете ли Вы нормальным, когда деятельность политиков направлена против людей? – начал он издали.

– Конечно нет.

Жерар ожидал другого ответа. Он продолжил:

– Мне, как историку, хорошо известно какую изнанку может содержать политическая деятельность. И... проще говоря, мне достаточно много известно о том, что произошло весной 1947 года в 14 арондисмене при попытке строительства глубокого метро!

Жерару полегчало. Можерини безучастно смотрел куда-то вдаль.

– Я тоже немного знаком с историей, – сказал он. – Но в другом ключе. Ваши знания достойны всякого уважения. Но Вы, как и большинство, привыкли считать историю сводом больших и малых детективных сюжетов, где следует кого-то выводить на чистую воду. Безусловно, это есть в политике. Однако, тот, кто занимается серьезной политикой, а не политическим экстримом, хорошо осознают, что в мире не все так просто. Даже Робин Гуд это понимал и в своей борьбе с шерифом редко переходил опасную черту. То, с чем Вы столкнулись, не имеет политического, тем более, детективного контекста.

– А-а... Но Вы...

– Я уфолог, доктор Жерар.

– У меня нет оснований Вам доверять, профессор. Все события, связанные с каким-то аномальным объектом, с пропажей газет, с уничтожением компьютера мадам Морюэн, совершенно омерзительны и имеют как раз явно детективный характер, хотя и с мистическим оттенком.

– Вот здесь Вы подошли ближе к сути, коллега. Только «мистический» – это ощущения. Я бы заменил это слово на «парадоксальный». Но это, месье Жерар, с точки зрения обыден-

ности и повседневности. А имевшие место происшествия лучше рассматривать в контексте историческом, религиозном или философском. Насчет отвратительности некоторых моментов я могу с Вами согласиться, но могло быть отвратительней, если бы все было пущено на самотек.

– Это угроза?

– Вовсе нет. Просто иногда половина знания бывает гораздо хуже, чем полное незнание.

– Например?

– Например: если бы основатели третьего рейха не получили какую-то информацию о технологии создания сверхчеловека, то в истории могло бы не быть Освенцима и Бухенвальда.

Морис задумался.

– Это как-то очень туманно, профессор Можерини. Какая-то информация... Нет конкретики. О знании чего... о какой информации Вы говорите, профессор? И что, позвольте, теперь делать мне, когда я... мы, вместе с сотрудниками архива, попали в эту «пара... парадоксальную» переделку?

Можерини посмотрел совершенно прямо.

– Одно из двух, – сказал он. – Или вычеркнуть ее из памяти, или идти до конца.

– Что это значит, до конца?

Морис опять ощутил двойственность своего положения. Замечательный шанс забыть всю эту «пара» и вернуться к своим мирным исследованиям блокировался сверлящей как зубная боль мыслью, что «вычеркнуть придется и Полетт Нэди, и Анни Моруэн, и свое достоинство мужчины, и мораль... короче – свою человеческую личность...» Голос Можерини прервал внутренний диалог Мориса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.